

≈ 49 мин

Является расширенной версией публикации Мочалов Д. П. *Вспоминая метод. Исторический материализм в работах Владимира Сарабьянова* // Научно-популярный журнал «Proshloe». (дата обращения: 04.06.2020)

Мы продолжаем цикл, открытый статьёй «*Философия и методология истории в «механистической» школе советской философии*». Пришло время перейти от общих положений к рассмотрению конкретных авторов. Первым на очереди будет известный общественвед и марксистский популяризатор своего времени — Владимир Николаевич Сарабьянов.

Как положения механистической школы конкретизировались в работах этого автора? Что оригинального было в его построениях? На что ориентировал будущего историка и социолога учебник по историческому материализму, написанный Сарабьяновым?

Об этом и поговорим.

МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ...

Начнём с того, что, помимо явного влияния механистического материализма домарксовской поры, В. Н. Сарабьянов в ряде построений тяготел к неокантианству. Вероятно, его влияние Сарабьянов испытал через лидера блока механистов Л. И. Аксельрод: философские противники часто винили её в том, что она вольно или невольно пыталась привнести в марксизм чисто кантианские вещи¹. Впрочем, у нас нет прямых доказательств этого. Есть и аргумент против: Сарабьянов не сразу примкнул к механистическому блоку. По крайней мере, в 1925-м он ещё критиковал Л. И. Аксельрод за её понимание категории «качество»:

«Некоторая часть марксистов, как, например, т. Аксельрод, считают, что качество — субъективная категория. Они, конечно, не правы, считая, что мир можно свести только к количеству. Подобное сведение страдает большой схоластичностью, ибо как можно мыслить количество без качества»².

А вот на II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений, Сарабьянов, напротив, уже решительно причислял себя к механистам:

«Мне следовало бы раньше вмешаться на той стороне, на которой я

нахожусь теперь»³.

Как мы увидим далее, субъективное понимание качества он к тому времени тоже перенял, и для этого уже в 1925 году были все необходимые предпосылки.

Так какие же конкретные маркеры кантианского влияния можно отметить у Владимира Сарабьянова?

Прежде всего это следующее допущение в области теории познания:

«Приходя непосредственно в соприкосновение с внешним миром, мы делаем открытия: открываем способ добывания огня, открываем магнетизм, электричество, ренту, стоимость товара. Открывать мы можем и новое по существу (качество), и новые частности, детали (количество). „Собственным же умом“, т. е. независимо от практики, от непосредственного общения с миром, мы в состоянии додумываться до способов количественно изменять старые качества, до этого момента уже открытые»^{4 5}.

Данное место кажется особенно подозрительным, если принять во внимание прочие воззрения автора. А именно:

«Не имея возможности охватить предмет во всех его проявлениях и в связи со всеми окружающими его вещами, мы должны ставить субъективно-практические задачи: рассматривать его в тех функциях и в тех связях, которые нас в данный момент, в данном месте интересуют»⁶.

Это весьма похоже на типично кантианский тезис о том, что упорядоченность и логичность миру, в том числе и историческим событиям, придаёт сам наблюдатель постфактум, связывая хаос в единую систему в своём разуме.

Но всё не так однозначно: с той же уверенностью можно отнести данное высказывание и к прагматизму. Ключевым фактором все же должно быть признание внешнего мира и, вместе с тем, указание на его непознаваемость.

«Определить качество процесса можно только в отношении к другому или к совокупности (к единству) других процессов. Качество не лежит в основе отношения, как думает т. Столяров, так как вне отношения вещь бескачественна, хотя и обладает бесчисленным количеством свойств»⁷.

Итак, в представлении Сарабьянова качество — это не определённость, а отношение. Как мы увидим далее, Сарабьянов не включает отношения в понятие материи, поэтому и качество он представляет не как качество внешнего мира, а лишь как *мнение* о мире⁸. Сарабьянов заявляет прямо, что признает теорию *субъективности* вторичных качеств⁹. Красное, холодное, мягкое — всё это лишь в нашей голове. А истинная сущность всего нами чувствуемого — однообразная, бесцветная и беззвучная сверхчувственная субстанция. По крайней мере, так предполагается автором. Однако весьма непросто доказать, что человек познает вещи, существующие объективно, «сами по себе», когда единственно доступные нам качества существуют только в нашей голове.

Что это значит? Это значит, что вопрос о том, что́ есть качество, когда количество переходит в иное качество, нельзя решить «в отрыве от человека»:

«В практике своей человечество условилось понимать под живым человеком существо с такими-то процессами, а под трупом с такими... Человечество условилось считать трупом человека с остановившимся сердцем и не работающими определенным образом лёгкими»¹⁰ .

Нет, мол, никакого не зависящего от человечества содержания в наших представлениях.

Любопытно, что переосмысленная Гегелем и являющаяся также важной категорией марксистской философии категория «мера» автором совершенно не используется. Мерой для него является совсем иное:

«Считается долгом научной чести высказаться против антропоцентрического отношения к миру. А между тем, именно к этому, если угодно, антропоцентризму, к субъективизму, звал Маркс в цитированном выше тезисе о Фейербахе. <...> Не совсем был неправ Протагор, говоривший, что человек — мера вещей. Да, в известном смысле он действительно — мера вещей. Во всяком случае, решение вопроса о качестве вне „антропоцентрической“ постановки его невозможно»¹¹ .

Хотя тут не только в исторической науке дело: проблема антропоцентрического отношения к миру много шире.

Многих очень пугает вопрос об отношении марксизма к так называемой «смене типов научной рациональности». Если вкратце, появилась квантовая механика, коты Шрёдингера зависли в своих коробках — и выяснилось, что результат некоторых экспериментов якобы зависит от позиции наблюдателя. Это дало

идеалистам и поверхностным популяризаторам науки, постоянно впадающим в идеализм под маской атеизма, повод снова объявить о зависимости внешнего мира от сознания. Всё, мол, настолько относительно, что реальность зависит от нашего восприятия.

Однако эта антропоцентристская позиция родилась много ранее достижений физики. Достижения физики — новы, их идеалистическая интерпретация — стара как мир. Того же Протагора, опять-таки, в знакомстве с физикой начала XX века точно не упрекнёшь, а вместе с тем у него, пусть и в зародыше, вся эта «неклассическая рациональность» уже прощупывается. О Новом времени с его Беркли и Юмом же и говорить нечего.

Что значит всё выше перечисленное? Как бы пафосно ни прозвучало, но всё это — ещё одно подтверждение ленинского тезиса: нельзя смешивать решение *философского* вопроса о материи с решением вопроса о её *физическом* строении, иначе материализму смерть. Увы, это не мешает многим критикам и сегодня представлять «Материализм и эмпириокритицизм» как конъюнктурную работу, рожденную фракционной борьбой и денежным интересом.

«Механисты», как мы уже знаем из предыдущего материала, стояли как раз на позиции отождествления философской и физической сторон вопроса о материи. Для них смена физической картины мира была чрезвычайно важным событием. Кто-то, как Тимирязев-младший, расстраивался и боролся с ОТО до самого конца, а кто-то, как Владимир Сарабьянов, не расстраивался, а *подстраивался*.

Да как изящно! Именно «Тезисы о Фейербахе», их антропоцентристская сторона, в будущем станут тем стенобитным тараном, с помощью которого

будут ломать марксизм в сторону идеализма, маскируя это под развитие марксизма и «ответ на современные вызовы смены научной картины мира».

Антропоцентризм поставлен в центр, но этого мало. Он в марксизме есть и так, просто в иной комбинации. Нужно идти дальше. Но что дальше? А дальше под всё это подводится категория «практики» как основная в системе философских категорий, идущая выше «материи» или «бытия».

Что из этого следует? А тут «снимается» противопоставление между субъектом и объектом, диалектика изымается из природы и остаётся только в сфере общественных явлений: ведь в природе самой по себе нет человека, нет практического, деятельностного отношения. Таким образом, марксизм уходит из естествознания. Что при этом ждёт гуманитаристику, увидим далее.

Самое удивительное в Сарабьянове то, что если не все его тезисы, то большинство их возьмут на вооружение философские ревизионисты через много лет. А то, что уже было в его время у иных авторов, ещё не успело стать «мейнстримом» даже на западе. В каком-то смысле в своих ошибках Владимир Николаевич был поистине гениален. Он в зачатке, в зародыше, в принципе угадал всё развитие этой ревизии. Увы, не ради критики.

Возвращаясь к оценке того вреда, который гипертрофированный антропоцентризм может нанести историческому исследованию: какое значение всё это могло иметь для историка, вооружившегося подобной философской системой? Антропоцентризм всё-таки документов в архиве не ест. В чём же угроза?

В тотальном релятивизме и отрицании истины. Например, по мнению Сарабьянова, Февральская революция была революцией лишь относительно старорежимной России, а относительно Октябрьской революции Февральская никакой революцией не является¹². Никакого объективного значения у исторических событий с этой точки зрения вообще нет.

В полном согласии с этой установкой В. Н. Сарабьянов декларировал и релятивизм истины вообще:

«Прежде всего оговорю, что никакой объективной истины вообще не существует. Всякая истина субъективна, так как она есть не что иное, как „отражение“ в голове субъекта определенного процесса... Абсолютная или относительная истина одинаково истинны субъективные, т. е. „отражение“ объекта в наших головах, т. е. непространственное яблоко, соответствующее (не похожее) яблоку пространственному»¹³.

И исторической истины в том числе:

«По-вашему, борьба с чем-то начинается в тот момент, когда это что-то становится „неразумным“. Но не будете же вы отрицать, что борьба с капитализмом в сороковых годах была разумна („Коммун. Манифест“). Не будете же вы отрицать, что в середине XIX в. капитализм тоже был „разумен“, ибо далеко не изжил себя и являлся формацией, способствующей росту производительных сил. Неужели вы не понимаете, что борьба с капитализмом и борьба за капитализм в сороковых годах были „разумной“ борьбой... Неужели вам неясно, что в девяностых годах XIX в., когда русская промышленность только что начинала становиться

машинной индустрией, когда капитализм начинал своё „прогрессивное шествие“ особенно скорым шагом, правы были и либералы, и марксисты, каждый с точки зрения своего класса»¹⁴ .

В более ранней статье — то же:

«Буржуазия может выступать против нас вполне научными способами, она может в борьбе с нами ставить научно обоснованные цели (напр., не закрепить на веки капитализм, а лишь задержать процесс его разложения), так же как и пролетариат в борьбе с буржуазией будет ставить цели в согласии с объективной необходимостью (не сразу к коммунизму, а через переходную эпоху). И буржуазия права, и пролетариат прав. Созерцатель, объективист пожмет плечами: чего борются? Ведь оба правы!

Но мы активисты. Мы скажем: именно потому, что буржуазия действует научными методами, что ее цели не утопичны, а научно обоснованы, мы должны еще решительнее бороться с буржуазией. Мир знает не одну правду, а множество их. Монархия разумна, но и борьба с ней тоже разумна, — говорил Герцен. Не угодно ли выбирать!»¹⁵

Позиция наблюдателя тут меняет не просто оценку — это вполне в рамках классического типа рациональности, — но и само содержание события. А вот это уже неклассическая наука в истории во всём её великолепии. Вот это всё «конструирование исторической реальности», все эти «дискурсы», «исторический источник не про объективную действительность, а про сознание автора и сознание исследователя», — это всё уже есть здесь, в 1920-х. Просто сейчас это звучит вот так:

«„Реконструируя“ историю, вместе с тем её „сочиняют“. Средневековые хронисты и поэты заселяли древность рыцарями и сеньорами, приписывали древним куртуазию и феодальный образ жизни, а современные историки находят в далёком прошлом классы, их борьбу, развитие частной собственности, развитие производительных сил, борьбу материализма с идеализмом, „реакционную роль религии“ и даже атеизм...»¹⁶

Решительно возражал такой позиции А. К. Столяров:

«Вопреки Сарабьянову, но в духе диалектического материализма, мы считаем, что объективной истиной является то, что существуют объективно реакционные классы и классы объективно революционные и что объективно-исторической ролью того или иного класса определяется общий характер его „морали“. Подобно этому, вопреки философии т. Сарабьянова, я считаю, что мы, коммунисты, как в теоретическом, так и в практическом „споре“ с буржуазией являемся объективно правыми (в смысле правоты, разумеется, а не в смысле „правизны“. То, что предлагает т. Сарабьянов, есть субъективная диалектика, иными словами: софистика. Это есть прямая дорожка к поверхностному скептицизму и к нигилизму»¹⁷.

Он же отмечал ещё ряд кантианских моментов в более общих построениях Сарабьянова¹⁸.

Вполне неокантианской вещицей в духе Виндельбанда у Владимира Сарабьянова является и деление наук на идиографические и номотетические. Причём в случае Владимира Николаевича линия разграничения проходила не между гуманитарным и естественнонаучным знанием, а между историческим

материализмом как методом и частными областями исследования как чистой эмпирикой:

«Но что значит изучать общество, изучать историю? <...> Когда мы изучаем общественные явления, мы — общественники — берём массовые явления, а не единичные, не исключительные. Это знать особенно важно, так как многие из молодёжи, занимающиеся историческим материализмом, бесплодно бьются над вопросом, почему, например, из больших писателей „мрачной ночи“ самый мрачный именно Достоевский, а не кто-нибудь другой. Общественник не может отвечать на такие вопросы, так как не дело общественных наук заниматься изучением единичных или исключительных, нетипичных явлений»¹⁹.

Данная трактовка сохранилась вплоть до 8-го издания без изменений²⁰. То есть имеется одна область знания, которая занимается собственно законами, и есть ещё другая, которая описывает конкретные единичные явления.

Советский историк-марксист А. И. Тюменев, пусть и в дискуссии с другими авторами, напротив, доказывал неразрывную связь индивидуализирующего и генерализирующего метода как проявление философского вопроса общего и особенного в каждой области: как общественных, так и естественных наук²¹.

Вместе с тем Тюменев отмечал, что относительно двух разных объектов изучения — природы и общества — индивидуализирующий метод, будучи равно подчинённым по сравнению с обобщением, тем не менее, находится в разных положениях. В естественных науках роль его много скромнее, «индивидуальная сторона сходит на нет, совершенно отступая...», а в общественных науках и

конкретно в историческом исследовании *«индивидуальная сторона его может нас интересовать сама по себе, на что имеются не только субъективные, отмечаемые риккертской школой, но и известные объективные причины...»*²²

Эта ситуация, к слову, нагляднее всего иллюстрирует связь общих философских вопросов с методологическими установками частных исследований. Демонстрируемое В. Н. Сарабьяновым пренебрежение к индивидуальному в общественных науках, попытка дать ему ту же роль, что и в науках естественных, является закономерным следствием избранной им философской системы. Её внутренняя логика подталкивает к механическому переносу естественно-научных методов на гуманитарные области.

... НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ МАШИНА

Теперь самое время перекинуть мостик от индивидуальных особенностей системы Сарабьянова к общим позициям «механистов». Как нам уже известно из *предыдущей статьи*, общеполитические взгляды механистов вели к переносу естественно-научных методов исследования на общественные процессы. Это одна из краеугольных черт механистического мировоззрения, когда дело идёт об общественных науках. И по этой стезе рассматриваемый нами автор шёл много дальше большинства своих коллег:

*«Обычно говорят, что механикой и движением не объяснишь духовных явлений, что органическое необходимо отличать от механического. Я считаю, что такая точка зрения ведёт либо к плюрализму, либо к идеализму. Животное — машина, человек — машина, свойство ощущать есть свойство особо организованного механизма»*²³.

Достаточно интригующая позиция, к которой у всякого человека, знакомого с марксизмом и историей философии в принципе, может возникнуть целый ряд вопросов. Но начнём издалека.

Для Владимира Сарабьянова у исторического материализма нет собственного предмета как такового: все области знания уже заняты частными науками, для какой-то особой предметной области места нет. Исторический материализм — лишь метод²⁴. Более того, даже не самостоятельный, а лишь совокупность методов отдельных общественных наук. Их частные методы развивались до определённого предела, а потом выделились, а точнее, «свелись» к историческому материализму²⁵. Таким образом, последний есть итог, но самостоятельного значения не имеет. Философски это целое, которое не более чем сумма своих частей, — это одно из ключевых положений «механистов». Тут прямая аналогия с диалектическим материализмом, который механисты свели до совокупности достижений современного им естествознания²⁶. Положения эти в пособии В. Сарабьянова также без изменений дублировалось вплоть до 8-го издания включительно²⁷.

Как мы уже выяснили в предыдущей статье и не раз повторили в данном материале, единственная субстанция мира с точки зрения «механистов» — это *физическая* материя и не более того. Все, что существует, — лишь различные количественные комбинации. Всякое новое качество, таким образом, можно раскладывать и сводить к своему более низкому уровню: биологию к химии, химию к физике и т.д. В таком случае ни о какой предметной основе наук говорить не приходится: предмет всегда в сути своей один. Не удивительно, что представители данной школы прибегали к разделению наук по методу. Но так

как сам смысл научного исследования для них — в сведении сложного к простому, то и это временно:

«Идеалистическая философия возможна только при более или менее резком отделении друг от друга общественных наук и естествознания, с одной стороны, и отдельных отраслей естествознания — с другой... Не может быть подвержено никакому сомнению, что процесс, который начался вместе с объединением физических дисциплин, растянется на много столетий. Осталось еще объединение физики и химии, затем химии и биологии, после биологии и психологии. Мы, таким образом, находимся только в самом начале этого периода»²⁸ .

Что же касается определения материи у В. Н. Сарабьянова, то здесь он вопреки ленинской трактовке в «Материализме и эмпириокритицизме» «конкретизирует» понятие материи до вещества, чем успешно возвращает его от Ленина даже не к Марксу и Энгельсу, а сразу в XVIII век.

«...под материей понимается всё то, что, действуя на наши чувства, вызывает в нас те или иные ощущения. Материя — это всё то, что мы можем увидеть, услышать, осязать, обонять, почувствовать вкус, если оно находится в пределах нашей досягаемости»^{29 30} .

Сарабьянов понимал зрительное ощущение как воздействие на органы зрения волн эфира³¹ . Это позволяет нам отвергнуть предположение, что автор включал в свое понятие материи и полевую физическую форму наряду с вещественной, и таким образом подтвердить, что материя у него сводится к веществу.

На фоне этого — несколько цитат про монизм в понимании Сарабьянова:

«Переходя к критике плюрализма, мы первым делом устанавливаем следующее положение: взаимодействие возможно только между мирами, имеющими общие свойства. Об этом нам говорят естественные науки, и это можно показать на ряде примеров»^{32 33} .

«Мир — един, а потому и научный метод — монистичен»^{34 35} .

Последнее, в принципе, верно, но не с тем пониманием материи, что есть у автора.

Самые большие проблемы начинаются тогда, когда речь идёт собственно об обществе:

«Но какое отношение всё это имеет к обществу, к истории человечества? Почему мы свой исторический метод называем материалистическим? Да потому, что история общества является в то же время и историей материальных и духовных явлений общественной жизни, что духовные явления суть не что иное, как продукт общественной материи... Под материей, в приложении к обществу, Маркс понимает все действия как между людьми, так и людей в отношении к природе»^{36 37} .

По сути, здесь речь о «базисе», эта категория здесь попросту не названа так. Вот только если материя есть вещество, её можно строго «услышать, осязать, обонять...», то появляются особые ограничения, которые способны привести в ловушку. Проследуем же в неё издали, оценив сначала последствия подобных

построений на практике.

Когда В. Н. Сарабьянов осуществляет комментированное изложение К. Маркса, он отрекается от фатализма, говорит об обратном влиянии надстройки на базис, о возможности для людей менять последний^{38 39}. А вот что было написано в предисловии к третьему изданию «Очерков...», когда от комментирования классиков марксизма нужно было перейти к полемике:

«...утверждаю, что базис переходит от одного качества к другому только в силу своих внутренних противоречий, надстройка же в силу последних может изменяться только в пределах своего качества, т. е. количественно, и стать новым качеством надстройка может лишь под влиянием качественно нового базиса.

Надстройка, далее, обратно влияет на базис, но лишь в пределах его собственного качества; она изменяет его лишь количественно, не будучи в силах и по собственной природе превратить качество базиса в новое»⁴⁰.

Рецензент из журнала «Под знаменем марксизма» отреагировал на это место следующим образом:

«Хорошо, что тов. Сарабьянов, анализируя в многих местах своей книги нашу революционную практику, предпочитает при этом пользоваться другой теорией „взаимодействия“, а то вышел бы большой конфуз. В самом деле, из его „более точной формулы“ можно сделать только один вывод, что пролетариату вовсе не надо браться за оружие. Зачем? История сама будет делаться, рабочий класс тут не причём. Сначала базис сам собой изменится и станет социалистическим (новое качество), потом тем же

порядком начнут надстройки меняться. Из такого механического прилаживания надстройки к базису ничего, кроме безжизненной меньшевистской теории, получиться не может. В действительности происходит другое. В революционную эпоху пролетариат, организованный в процессе развития капиталистического общества, захватывает политическую власть для того, чтобы сломать капиталистические производственные отношения и дать полный простор скованным производительным силам. Период революционного переустройства общества является следовательно тем моментом, когда базис переходит от одного качества к другому под влиянием надстроек. С другой стороны, революционные классовые организации пролетариата создаются в недрах старого капиталистического общества. Таким образом на капиталистическом базисе постепенно воздвигается отрицающая его надстройка»⁴¹ .

На страницах журнала «Красная новь» схожие с позицией рецензента вопросы ставил Николай Бухарин: автоматическая смена надстроек как простая производная от вызревания базиса лишает историю всякой пластичности, а события вроде Октябрьской революции, когда политическую власть захватывают ради коренного преобразования базиса, строительства нового общества, и вовсе делает немислимыми⁴² .

От себя добавим, что в схему Владимира Сарабьянова совершенно не укладываются и так называемые «революции сверху», грандиозные реформы, которые, безусловно, были подготовлены всем предыдущим экономическим развитием страны, но вместе с тем представляли собой волевое вмешательство

государственной власти в коренные общественные отношения, как то, например, создание новой социальной базы правящего курса. Упускается из виду и тот факт, что даже классические буржуазные революции, не говоря уже о социалистических, после победы вынуждены были завершать ломку унаследованных экономических отношений. Собственно, для этого им и нужен был захват власти.

Поразительно, что В. Сарабьянов даже не стал оправдываться и, более того, взял под свою защиту немецкого социал-демократа и противника большевизма Генриха Кунова, имевшего те же взгляды на соотношение надстройки и базиса⁴³. Но защита была, конечно, только в плане методологии. В оценках перспектив строительства социализма В. Сарабьянов с Г. Куновым расходились. Конкретные выводы автора были таковы, что в Советской России есть весь необходимый экономический базис социализма, он давно созрел и строго в соответствии с ним в 1917 году в движение пришли «надстройки». Получается вывернутая наизнанку меньшевистская позиция: революция произойдет не раньше, чем «полностью созреет базис», но по идеологическим соображениям добавляется, что он полностью уже созрел.

Сарабьянов отмечал, что строительство нового общества, которое происходило в современное автору время, есть лишь количественное увеличение нового качества, уже несущественное. Все сомнения по поводу такой схемы якобы идут от многоукладности экономики Советской России и не более того⁴⁴. Характерно также намеренное стремление автора рассматривать Россию изолированно, вне связи с революциями в Германии, Венгрии и т. д.

К слову, в вопросе о многоукладности автор попытался опереться в тексте на Ленина, что нельзя считать удачным ходом. Его можно было призвать в свидетели самой многоукладности, ибо он и был тем, кто ввёл такую категорию как «общественно-экономический уклад»⁴⁵, но говорить о том, что В. И. Ленин считал базис России готовым для социализма, никак нельзя⁴⁶.

Взгляд В. Сарабьянова на вопрос о соотношении базиса и надстроек нельзя расценить иначе, как попытку схематизировать исторический процесс. Мы всё же настаиваем: общее положение о том, что производительные силы приходят в конфликт с производственными отношениями, их сковывающими, служит методологическим ориентиром, но ещё ничего не говорит о конкретных путях перехода к новому способу производства.

Как это связано с философией? А так: узкое понимание исторического развития у данного автора есть в том числе проявление общей тенденции «механистического» направления к сведению всех сложных процессов до более простых. К слову, у раннего Н. Бухарина тоже была однообразная схема для всех революций, когда-либо бывших или будущих, без различия их природы и конкретного социального содержания. Якобы существует абстрактная схема «революции вообще», которая утверждает, что всякая революция проходит через четыре фазы: революцию идейную, политическую, экономическую, и, наконец, техническую. Несмотря на то, что в изложении Николая Бухарина явно угадывается конкретно социалистический переворот в общественных отношениях, выводы, основанные на этом материале, распространены на все схожие исторические события вплоть до английской буржуазной революции⁴⁷. Несмотря на то, что Бухарин выступал непосредственным оппонентом

Сарабьянова, в данном случае материал из «Теории исторического материализма» можно использовать для иллюстрации всё той же проблемы — пренебрежения особенным в историческом процессе ради создания универсальной схемы.

Теперь, когда мы, как и обещали выше, рассмотрели последствия подобных философских построений на практике, уместно снова вернуться к вопросу о том, как же понимание философских категорий, в частности, категории материи, способно повлиять на методологический подход к историческому исследованию. Материя, в том числе и социальная материя⁴⁸, в понимании школы «диалектиков», например, существует не сама по себе, а только через определённые объекты, выступающие субстратом. У них материальны в том числе и отношения, и их следует отличать от вещей, потому что для них материя — это категория не физическая, а философская.

Совсем иное дело — механисты. Случай В. Н. Сарабьянова — весьма представительный пример «механистического» взгляда на вопрос, когда проблема взаимоотношения общего и единичного решается в сторону своеобразного «номинализма»: общее игнорируется как абстрактное, в дурном смысле нереального, несущественного, чего-то, существующего сугубо в сознании, а реальность признаётся только за единичными, конкретными вещами. Это позволяет Сарабьянову поставить знак равенства между материей и её субстратом:

«Мы уже раньше указывали, что под материей марксизм так же, как и материалисты XVIII в., понимает всё то, что вызывает в нас ощущение, если

происходит в соприкосновение с нашими органами чувств. Отсюда нетрудно вывести заключение, что́ надо понимать под „материальными условиями существования“. Это — все те условия, которые носят чувственный характер, т. е. которые мы видим, слышим, осязаем и т. д., и в первую очередь те условия, в которых мы добываем средства своего существования»^{49 50} .

Рассуждая об иной сфере, а точнее, о монизме, В. Н. Сарабьянов по ходу повествования приводит следующие суждения, конкретизирующие эти представления о материальном на примерах общественной жизни:

«...нет этики, как чего-то самостоятельного, а есть люди, так-то думающие о „должном“; нет трудовых процессов, а есть люди занимающиеся производством»⁵¹ .

Вот это самая наглядная иллюстрация такого философского «номинализма», когда сложная философская категория сводится до её единичных проявлений.

Из подобного понимания идёт редуцирование категории «производительные силы» до техники, то есть до одной из сторон^{52 53} . Если производительные силы общества — это прежде всего вещи, а человек берётся и сам как вещь, только со стороны абстрактной рабочей силы, а не в целом, то и отношения производства — прежде всего отношения между вещами. И то, учитывая всё сказанное выше, отношения не самостоятельные. Вспоминаем, что для механистов материальны только вещи, так как единственная субстанция мира именно что физическая материя, соответственно субстратом выступают только вещи, отношения сюда не входят. Мы это проследили и на примере понимания

света в естественнонаучном знании и на примере производительных сил в сфере общественных наук.

Конвейерное производство, таким образом, превращается в автоматическую гарантию конца капитализма. Но становится тогда совершенно не ясно: в чём же несоответствие производительных сил и производственных отношений, если из схемы устраняется человек как целое, устраняются отношения как самостоятельное?

Таков внутренний механизм критикуемой рецензентом из журнала «Под знаменем марксизма» исторической пассивности в схеме В. Сарабьянова, этой несамостоятельности надстройки перед самодвижущейся техникой. И эта критика находится в полном согласии с тем, что писал в своё время **Энгельс**:

«Следовательно, экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счёте всё же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает всё развитие и одна приводит к его пониманию».

Любопытно, что один украинский автор, Николай Иванович Перлин, шёл ещё дальше и упрекал В. Н. Сарабьянова за то, что тот вообще вводит какую-то широкую категорию «общественных отношений», в которую в качестве ведущих входят экономические отношения и в качестве подчинённых — прочие. Всякое

отношение, по его замечанию, есть отношение экономическое⁵⁴. Тот же Перлин, к слову, одним из первых предложил положить категорию «практика» в основу марксистской философии, до чего даже Владимир Сарабьянов ещё не дошёл⁵⁵.

Нужно отдать должное: в этой полемике В. Н. Сарабьянов оказался защитником ортодоксального взгляда. Он замечал, что подобный подход ведет к отождествлению базиса и надстройки, бытия и сознания. В конце концов, как же быть с отношением друг к другу детей, как быть с категорией внеэкономического принуждения и т.д.? Владимир Сарабьянов особо отмечал, что бояться стоит не выделения различных факторов общественной жизни, а эклектики «многофакторности истории». Монизм, основанный на бездумном сведении всего и вся к экономике, — дурная страховка для исследователя⁵⁶. Тем не менее, последовательности и развёрнутости в возражении не хватало, так как Перлин по сути лишь более последовательно проводил линию самого Сарабьянова на натурализацию общества.

Именно представление общества как системы вещей, а не мыслящих и действующих людей, имеет в виду Сарабьянов, называя человека машиной. Именно здесь — наиболее фатальная ошибка. «Мерило всех вещей» у него само должно быть измерено и всецело подчинено предметам своего измерения.

По некоторым отдельным местам можно предположить, что идейная эволюция в сторону признания правоты Н. И. Перлина к началу 1930-х годов у Сарабьянова всё же произошла:

«Как все процессы общественной жизни марксизм сводит к производству, рассматривая их в качестве выражений производственных отношений, так

и естествознание сводит всё к движению последних известных нам частиц»⁵⁷ .

И ничего удивительного в таком акцентировании на субстрате, учитывая общее понимание материи автором, нет.

Всё это также закономерно и с точки зрения историко-философских взглядов «механистов», принижавших роль классической немецкой философии в зарождении марксизма; между тем, другой прародитель учения, механистический материализм, в рамках марксизма всегда критиковался как раз за свой созерцательный, пассивный характер⁵⁸ .

Такой материализм терпит фиаско во всём, что касается социальной материи, от истории до психологии: у В. Н. Сарабьянова даже мысли в прямом смысле материальны. Опираясь на Л. Фейербаха, автор констатирует:

«...мысль как нематериальное представляется только самому мыслящему субъекту, а для нас, наблюдающих за ним, его мысль является не чем иным, как определённым материальным процессом. Может быть, в будущем мы сумеем, наблюдая за мозгом человека, читать по мозговым процессам его мысли»⁵⁹ .

Категория «реальное» автором отрицается:

«Отвергая же материалистическую постановку вопроса и принимая енгсменовскую⁶⁰ , ничего не остаётся сделать, как стать субъективным идеалистом, признавая всё реальное существующим, а под реальным

окажутся и ощущения, ощущение же есть субъективная „реальность“, „данность“. Марксизм, как научный материализм, давно распространился с такими терминами, как „явление“, „реальность“, вообще... Марксизм строго различает объективное явление от субъективного, объективную реальность от субъективной»⁶¹ .

Вот то же ещё более прямо и откровенно:

«Тот, кто не хочет различать субъективную сторону и объективную, тот, кто вместо пользования ясными терминами: „субъективная реальность“ и „объективная реальность“, прибегает к тёмному, двусмысленному термину „реальность“, тот, кто говорит об явлениях, не умея, или не желая явлению объективному противопоставить явление субъективное, — тот запутывает совершенно ясный вопрос, затемняет его, отдаваясь во власть обывательских суждений и обывательской терминологии»⁶² .

Как показала публикация набросков к «Диалектике природы» (1925), с Ф. Энгельсом как одним из основателей системы подобные взгляды расходились фатально:

«Мы, несомненно, „сведём“ когда-нибудь экспериментальным путём мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»⁶³

Ну вот. А нам ещё снисходительно говорят «дались вам эти споры о Спинозе!» История философии, как и всякая история, мстит за своё незнание.

Справедливости ради, если посмотреть на ситуацию с немного иной историко-философской точки зрения, ситуация оказывается несколько глубже. Уже у Гегеля был вывод о том, что не может быть абстрактной схемы для всех эпох и обществ, что всякое историческое исследование должно быть конкретно, а это невозможно без того, чтобы фиксировать индивидуальное, особенное.

Соответственно, уже у Гегеля было различие моделей развития в природе и обществе. История природы и история общества с его точки зрения, конечно же, составляла неразрывное единство, но не была одним и тем же⁶⁴. И общество, и природа движутся, они оба порождения духа, и это их роднит. Но в обществе возникает нечто новое, в то время как движение природы — это движение по кругу⁶⁵. В обществе есть место и индивидуализации, и обобщению. С учётом историчности, конечно же⁶⁶. В природе, в свою очередь, господствует только обобщение.

В связи с этим атака «механистов» на гегельянство и пережиток его метода, как нам кажется, закономерна: современное им естествознание уже доказало, что природа — это в том числе и возникновение нового. Казалось бы, современникам было бы логично привести понятие особенного в природу, но вышло иначе: особенного было лишено общество. Если «особенное» есть всюду, то не так уж оно особенно, а значит, особенного нет нигде. Это могло произойти, потому что вышеуказанный вывод о наличии и в природе, и в обществе особенного, уникального был поставлен на определённую философскую основу: материя — то же, что и вещество, категория качества субъективна, объекты сводимы от высшего к низшему, онтология задвигается на задний план. Закономерным итогом таких построений является то, что берётся лишь факт единства природы и общества, а противопоставление

отпадает. И единство это осуществляется на базе господства обобщения, генерализующего метода, который на тот момент достиг своей вершины в естествознании и эксперименте. Даже напротив, любые попытки указать на известное различие воспринималось как отказ от признания исторического в природе, как тот самый «возврат к гегельянству»⁶⁷. Своеобразный лукачиизм, перевернутый на 180 градусов: зачем кому-то нужны качественно отличные методы в общественных науках, когда всё — механика?

Примечания

1. См. подробнее: Боев А. **Любовь Аксельрод: История неправославного ортодокса** // Научно-просветительский журнал «Скепсис». (дата обращения: 04.06.2020) ←
2. Сарабьянов В. Н. Основное в едином научном мировоззрении-методе. [Харьков] : Юношеск. сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. С. 105. ←
3. Выступление В. Н. Сарабьянова // *Современные проблемы философии марксизма* : Доклад А. М. Деборина : Прения по докладу и заключительное слово. М. : Изд-во Коммун. акад., 1929. С. 74. ←
4. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С.108. ←
5. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С.122. ←
6. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 162. ←
7. Сарабьянов, В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики // *Под знаменем марксизма*. 1925. № 12. С. 182. ←
8. Это утверждение отражает взгляды В. Н. Сарабьянова в 1920-х годах. Эволюция

его философских воззрений в последующие десятилетия должна стать предметом отдельного рассмотрения. ←

9. Сарабьянов В. Н. Беседы с учителями о марксизме. Ростов н/Д : Буревестник, 1925. С. 23–26. ←
10. Сарабьянов, В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики // Под знаменем марксизма. 1925. № 12. С. 192. ←
11. Сарабьянов В. Н. Основное в едином научном мировоззрении-методе. [Харьков] : Юношеск. сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. С. 102–103. ←
12. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 158–159. ←
13. Сарабьянов, В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики // *Под знаменем марксизма*. 1925. № 12. С. 190–191. ←
14. Сарабьянов, В. Н. Как иные товарищи творят ревизионизм // *Под знаменем марксизма*. 1926. № 6. С. 73–74. ←
15. Сарабьянов, В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики // *Под знаменем марксизма*. 1925. № 12. С. 189. ←
16. Гуревич А. Я. История историка. М. : РОССПЭН, 2004. С. 183. ←
17. Столяров, А. К. Субъективизм механистов и проблема качества. М., Л. : Московский рабочий, 1929. С. 196. ←
18. Столяров, А. К. Субъективизм механистов и проблема качества. М., Л. : Московский рабочий, 1929. С. 52–53, 77. ←
19. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 12. ←
20. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 32. ←
21. Тюменев А. И. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в

- исторической науке // *Историк-марксист*. 1929. №12. С.171–172. ↵
22. Тюменев А. И. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // *Историк-марксист*. 1929. №12. С.172, 175–176. ↵
23. Сарабьянов, В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики // *Под знаменем марксизма*. 1925. № 12. С. 195. ↵
24. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С.14–15. ↵
25. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С.16–19. ↵
26. Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание. 2-е изд. М.; Л., 1926. С. 56–57. ↵
27. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 34, 36–38. ↵
28. Варьяш А. И. История философии и марксистская философия истории // *Вестник коммунистической академии*. 1924. №9. С. 307. ↵
29. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 35. ↵
30. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 54. ↵
31. Сарабьянов В. Н. Введение в диалектический материализм. Харьков: Юношеский сектор издательства «Пролетарий», 1925. С. 9, 10. ↵
32. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 20. ↵
33. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 39. ↵
34. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. :

- Московский рабочий, 1922. С. 24. ↩
35. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 43. ↩
36. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 36–37. ↩
37. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 55–56. ↩
38. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 118–119, 123–133. ↩
39. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 132–133, 136–146. ↩
40. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 24. ↩
41. Ширвин[дт] М. Л. Сарабьянов. — «Исторический материализм» // *Под знаменем марксизма*. 1923. №2–3. С. 254. ↩
42. Бухарин Н. И. По скучной дороге (ответ моим критикам) // *Красная новь*. 1923. №1. С. 288. ↩
43. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 16. ↩
44. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 17–19. ↩
45. Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг. : Ист.-социол. очерк / Б. А. Чагин, В. И. Клушин; Отв. ред. А. А. Федосеев; АН СССР, Науч. совет по истории обществ. мысли. — М. : Наука, 1986. С. 82. ↩
46. В замечаниях к книге Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» напротив предложения «...Социализм придётся строить. Наличные

вещественные и личные ресурсы являются лишь отправным пунктом развития, которое обнимет собой целую громадную эпоху» стоит следующее замечание В. И. Ленина:

«Оч[ень] верно!»

См. В. И. Ленин. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» Май 1920 г. // *Ленинский сборник XI* / Под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М., Л., 1929. С. 363. ↩

47. Бухарин Н. И. Теория исторического материализма : Популярный учебник марксистской социологии. М. : Вече, 2008. С. 309–317. ↩
48. Применение понятия «социальная материя» является известной исторической модернизацией, т. к. оно появилось в советской философии много позже, но так прочно вошло в марксистский лексикон, что мы позволили себе эту вольность для облегчения понимания текста. ↩
49. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 117. ↩
50. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 131. ↩
51. Сарабьянов В. Н. Основное в едином научном мировоззрении-методе. [Харьков] : Юношеск. сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. С. 139. ↩
52. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 114–117. ↩
53. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 127–130. ↩
54. Перлин Н. И. Исторический материализм : Опыт методологического построения. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1925. С. 110. ↩
55. Перлин Н. И. Исторический материализм : Опыт методологического построения.

Харьков: Гос. изд-во Украины, 1925. С. 29–31. ←

56. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 3–6. ←

57. Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М., Л. : ГИЗ, 1929. С. 154. ←

58. К. Маркс следующим образом определял историческую роль идеализма в разработке понимания мира:

«...деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой».

См. 2-е изд. ПСС, С. 1. Тот же мотив есть в рукописях В. И. Ленина. См. 5-е изд. ПСС. Т. 29. С. 322. ←

59. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 2-е. М. : Московский рабочий, 1922. С. 24–25. ←

60. Так как работы Иммануила Енчмена и поднявшаяся вокруг них дискуссия на сегодняшний день имеют чисто музейную ценность и нашему современнику совершенно неизвестны, считаем достаточным отослать к рецензии Николая Афанасьевича Карева на книгу „Энчмениада“ Николая Бухарина. Эти несколько страниц способны дать достаточное представление о проблеме для понимания цитируемого абзаца. См. Карев Н. А. Рецензия: Н. Бухарин Энчмениада // *Большевик*. 1924. № 1. С. 141–143. ←

61. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 172. ←

62. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 8-е. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. С. 173. ←

63. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 20. С. 563. ←

64. См. подробнее Вайсберг І. А. Філософія Історії Гегеля // *Прапор марксизму*. 1930.

№2. С. 66–68. ↩

65. Вайсберг I. А. Філософія Історії Гегеля // *Прапор марксизму*. 1930. №2. С. 75–76.

↩

66. Вайсберг I. А. Філософія Історії Гегеля // *Прапор марксизму*. 1930. №2. С. 81. ↩

67. Тимирязев А. К. Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия? // *Вестник коммунистической академии*. 1926. №17. С. 141–142. ↩